

Ор01-5...)
И15
А-375175-КР

ВИЛЬ ИБРАГИМОВ

В сундуках моей памяти

ИЛИ КОГДА САКМАРА БЫЛА
ПОЛНОВОДНОЙ

ОрО(-5...))
И15

ОрО(-5 Сакмара)
63.3(2 Рос-40ре-5 Сак)

Виль Ибрагимов

В сундуках моей памяти

или Когда Сакмара была полноводной

✓
Издательские решения
По лицензии Ridero
2019

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

а-345-145

И15

КД

*Моей дорогой маме
Люции Каюмовне Ибрагимовой
и светлой памяти моего дорогого отца
Ильфата Зиннатовича Ибрагимова
посвящается*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сентябре 2017 года вышла в свет моя книга «Признание в любви, или Путешествия в школьные годы». Она была о моих учителях, о годах учебы в Жёлтинской средней школе. Книга была тепло встречена и воспринята моими земляками, одноклассниками, учителями. Приятные отзывы о книге во множестве я получил и от совершенно мне незнакомых людей, которые никогда в Жёлтом-то и не бывали и даже не подозревали о существовании села с таким диковинным цветным названием. Мои личные воспоминания и пространные рассуждения-наблюдения о днях прошедших и о людях, которые встречались на моем жизненном пути, всколыхнули у читателей добрые слова и чувства, вдохновившие меня снова взяться за перо.

Первоначально мой авторский замысел был таков: следующая книга будет продолжением первой. Мне хотелось уделить еще больше внимания учителям, наполнить книгу их биографическими данными, различными фактами о них, документальными иллюстрациями. К сожалению, задача оказалась весьма трудоемкой, потребовала выделения огромного количества времени для работы с архивными материалами. Поэтому, продолжая кропотливую работу над этим большим проектом (надеюсь, книга все же будет дописана и напечатана в ближайшие годы!), я решил поделиться с тобой, мой верный читатель, очередной порцией воспоминаний.

...У моей бабушки за печкой стоял сундук. Сундуки бывают разные: одни — неказистые, массивные, даже грубые; другие — вполне себе аккуратные, с изящной инкрустацией по олову цветными стеклами. С торцов сундука, как правило, есть две откидные ручки на петельных шарнирах, чтобы его было удобно переносить с места на место. Что до моей бабушки, то у нее был большой деревянный сундук темно-зеленого цвета с открывав-

шейся наверх массивной крышкой. Для нас, ее внуков, не было более увлекательного занятия, чем когда бабушка редкими вечерами приглашала заглянуть в свой сундук.

Чего там только не было! Среди кучи прочих вещей под грудой слежавшихся и пропахших нафталином предметов иногда попадались настоящие сокровища: например, старый миниатюрный самовар или патефон в чемоданчике-коробке из коричневого дерматина, неизвестно откуда взявшийся рупор-ракушка от другого граммофона. Особый детский трепет вызывали фотоальбомы в обложке из синего бархата с пожелтевшими фотографиями, заботливо вставленными в прорези с изящными уголками, и перевязанная суровой ниткой стопка фронтовых писем деда. Рядом в этой куче лежали какие-то важные документы, разноцветные фантики зеленого, красного и синего цветов с расписными вензелями. Как оказалось потом, то были облигации внутреннего займа 40-х, 50-х годов. Ярким пятном выделялись разноцветные кусочки ленты и тесьмы. Свое место имели связанные бабушкой и готовые к продаже ажурные пуховые платки, сырье для их изготовления — персук — и намотанный на бобины тончайший шелк, служивший основой для пуховой пряжи. Отдельно лежал перевязанный платком крест-накрест набор нового постельного белья на случай неожиданных гостей издалека. Еще там была большущая белая шаль с кружевными узорами и бахромой. Бабушка называла ее на татарский манер «уаль». Почти на самом дне сгрудились старинные серебряные монеты с дырочкой. Такие монеты в старину татарские женщины вплетали себе на разноцветных тесемках в косы. Они так забавно позвякивали при ходьбе, это было так мило и напоминало звучание гармони тальянки — там тоже были звоночки, которые издавали такой же мелодичный звон. Были еще разноцветные бусы из обычного стекла, несколько серебряных браслетов, обязательно пара штук мыла «Красная Москва», флакон тройного одеколона, коричнево-белый толстый плед, тоже с бахромой, новый гобелен с оленями и маком, плюше-

вая скатерть, сафьяновые сапожки-ичиги и доха. На самом дне, рядом с заботливо отложенным на потом нужным количеством белого савана, среди разноцветных отрезков, ярких китайских махровых полотенец и пестрых ситцевых и кашемировых платков, лежало потрепанное временем дореволюционное издание Корана, обвитое четками из косточек финика.

Всякий раз, когда бабушка открывала сундук, она, отвечая на мои расспросы, долго и подробно рассказывала историю этих вещей. Каждая из них была для нее по-особому дорога, в каждой была частица ее души и какая-то часть жизни. А я жадно старался окунуться в ту особую атмосферу материализованных воспоминаний бабушки...

Память человека — сродни таким сундукам. Вроде бы там должны быть бережно хранимые, ценные для нас вещи, которые лежат в особом порядке и вынимаются только тогда, когда на самом деле нужны. Но пока найдешь нужную вещь — перелопатишь все содержимое, наткнешься на давно забытое, может, вовсе и не нужное из-за своей ветхости, старомодности или негодности. А бывает, обнаружишь что-нибудь эдакое, о чем давно забыл или начал забывать, — и все начинает отчетливо проступать через многие слои наложения образов и вещей, через аберрацию сознания в попытке увязать одно с другим на невидимом колесе времени. Словом, мой дорогой читатель, беру на себя смелость пригласить тебя порыться в сундуке моих воспоминаний.

По названию этой книги — «В сундуках моей памяти, или Когда Сакмара была полноводной» — думаю, можно сразу догадаться, что речь вновь пойдет о детских впечатлениях, о зарисовках с натуры — с жителей села, о моем опыте восприятия действительности, о путешествиях — далеких и близких, о моем мироощущении и о попытке заглянуть в некоторых вопросах за горизонт событий.

Благодарю свою сестру Ларису за практическую помощь в воссоздании некоторых фактов и биографических данных

персонажей, которые встречаются на страницах этой книги.

Очень хочу верить, что и она также вызовет у моих преданных читателей индукцию теплых воспоминаний о том, как все это было *там* (в селе Жёлтом и его окрестностях), *тогда* (в прошлом веке), и поможет под другим углом взглянуть на то, как изменилась наша жизнь *теперь*, и вместе задуматься о том, что будет *потом*...

ВЕЧНЫЙ ЗОВ

По последней переписи населения 2010 года, 12,7% деревень в нашей стране существовали номинально, только на бумаге. Более чем в половине «живых» деревень проживало от 1 до 100 человек. В 2016 году на 1 000 сельских жителей трудоспособного возраста приходилось 819 нетрудоспособного, причем более половины из них — пенсионеры. Всего в России на сегодняшний день насчитывается 13 000 заброшенных деревень, в которых нет ни одного постоянного жителя.

Как пишет в своей книге, посвященной селу Жёлтое и его обитателям, С. Е. Понятов¹, колхоз «Сакмарский» и его центральная усадьба — село Жёлтое — некогда объединяли 11 прилегающих к ним населенных пунктов. К тому времени, когда Понятов писал свою книгу (а это середина 90-х), их уже оставалось 7 с общим числом жителей 3 252 человека.

По данным сельской администрации, в 90-е годы в селе Жёлтое и на станции Жёлтая было 570 дворов, жителей — 1 956 человек. Сегодня число дворов такое же, а число жителей составляет лишь 1 373 человека.

Население города еще как-то можно увеличить организационными и административными (реже — экономическими) мерами. Так было с несколькими городами-миллионниками, к которым для получения этого статуса директивно присоединялись сельские поселения в округе и даже целые районы. Можно построить новый завод или фабрику — и тогда потоки трудовой миграции неизбежно приведут к росту числа жителей города, потому что люди обречены жить ближе к работе. Это в том слу-

¹ С. Е. Понятов. Жёлтый Яр. — Оренбург, 1994.

чае, если будут новые заводы, в чем я сильно сомневаюсь.

Повысить численность сельского населения такими методами вообще невозможно. Нельзя этого добиться и насильственным переселением жителей других регионов или даже соотечественников, пожелавших вернуться на историческую родину. Насколько мне известно, все они стремятся попасть в крупные мегаполисы или, на худой конец, в областные центры, ибо там больше источников дохода, потенциальной работы и спроса на рабочую силу. Не помогают даже объявленная демографическая политика государства и реализуемая социальная и финансовая поддержка рождаемости, в том числе на селе. Не действует программа закрепления. Даже родив много детей, семьи не могут удержать своих чад в деревне по достижении ими трудоспособного возраста.

Вот здесь и кроется ответ на сакраментальный вопрос: что ожидает село в будущем? Нужна ли кому-нибудь сильная и крепкая Россия? Быть может, она нужна тем, кто ездит на «Бентли» и имеет дворцы в Каннах и Лангедоке? Но способны ли они понять тех, кто живет в хрущевках и ездит на «Жигулях»? Мне обидно за страну, которая по производительности отстает от развитых государств на полвека, в которой настоящее столь неопределенно, хоть и родилось из великого прошлого. Нельзя быть устремленными — то в коммунизм, то в рай, — но обреченными догонять при этом те страны, чьи продукты мы давим бульдозерами, потому что они санкционные.

А ведь некогда и наше село Жёлтое было стремительно развивающимся, процветающим. На глазах росли подворья и домовладения, вместе с ними увеличивались высота заборов и ширина ворот, соломенные и камышовые крыши сменялись сначала шифером, а затем — металлопрофилем. То там, то тут среди обмазанных белой глиной домов с подслеповатыми окнами появлялись кирпичные, с современной планировкой, подведенным водопроводом. В разных частях села даже были воздвигнуты деревенские «небоскребы» в два и более этажей.

И хотя наш колхоз никогда не был в числе миллионников,

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66